

ОБ ЭГАЛИТАРНОСТИ И ИЕРАРХИЧНОСТИ (ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ)

ГРИГОРЯН А.А., канд.филол.наук

Статья посвящена изучению наличия/отсутствия корреляции между «физическим» полом человека и его большей или меньшей склонностью к эгалитарности или иерархичности. Исследуемая проблема является частью более крупной: устойчивости гендерных стереотипов, существующих в том или ином обществе и обусловленных его культурой (в том числе языковой).

Книга Деборы Таннен «You Just Don't Understand!» («Ты просто не понимаешь!»)⁹, посвященная разграничению и обоснованию гендерных особенностей женского и мужского разговорных стилей, является бестселлером. Профессор Таннен полагает, что одной из основных черт, характеризующих женщин, является стремление налаживать и поддерживать тесные отношения с другими людьми. Мужчины, как считает исследователь, напротив, более всего склонны к установлению и поддержанию своей независимости, автономности от других людей [Ibid]. Несмотря на очевидный факт существования значительного количества мужчин, очень заинтересованных в установлении и поддержании тесных взаимоотношений, так же как и множества женщин, превыше всего ценящих свою независимость, огромное количество женщин и мужчин полагают, что в этих стереотипах представлена некая норма, которой им так или иначе надлежит следовать. Именно в этом, на наш взгляд, заключается причина, по которой книга профессора Таннен и другие, отражающие тот же подход к проблеме, находят столь широкую читательскую поддержку. Это, по крайней мере, один из факторов, способствующих выбору того или иного стиля речи.

Представляется, что в данном случае мы попадаем в «королевство кривых зеркал» («hall of mirrors»). В развитых индустриальных обществах на Западе (и не только) существует устоявшееся мнение-норма о том, что женщины заинтересованы (или должны быть заинтересованы) в хороших взаимоотношениях с окружающими, в создании хорошей ауры таких отношений. Точно так же считается, что мужчин не особенно интересуют окружающие и вообще всё, связанное с областью чувств. Мужчины-де сосредоточены на своих личных целях и достижениях, на том, к чему они могут прийти самостоятельно, независимо от других. Неудивительно, что в такого рода обществе у женщины появляется сильный стимул казаться воплощением дружелюбия и желания сотрудничать, создавать соответствующую ауру, умалять значимость собственных целей и достижений. У мужчин, наоборот, появляется мощный стимул казаться сильными и невозмутимыми, скрывать любые свои эмоциональные порывы (за исключением, возможно, гнева). Неслучайным представляется употребление в двух предыдущих предложениях глагола «казаться», использованного в значении «выглядеть». Дело в том, что нормативное гендерное поведение предназначено не только для окружающих, но и для самого человека. Подобные нормы тесно связаны с другими характеристиками гендерного порядка: распределением социальной ответственности, а также понятиями власти и престижа.

Ряд языковедов в своих работах отмечают, что женщинам свойственно стремиться к такому порядку вещей, который можно охарактеризовать словом «равноправный»^{1,9}. В таком мироустройстве преобладают горизонтальные связи. Анализируя эту позицию, следует упомянуть о работах М. Гудвин^{3,4}, которые свидетельствуют о том, что девушкам не в меньшей степени, чем юношам, свойственно быть вовлеченными в тип речевой деятельности, направленный на создание и поддержание неравноправных, вертикальных отношений. Тем не менее именно эти лингвоэтнографические труды М. Гудвин, направленные, в том числе, на изучение речевого поведения детей афроамериканского происхождения в Филадельфии, наиболее часто цитируются для того, чтобы подтвердить гипотезы об иерархичности «мужских» речевых актов и эгалитарности «женских». Профессор Гудвин действительно обнаружила тенденцию к созданию иерархических отношений в играх мальчиков: в лингвистическом смысле это выражалось использованием команд и просьб: «give me ...» («дай мне...»), «can I ...» («нельзя ли...»)⁴. Однако, отмечает ученый, нередко подобные вертикальные связи нарушались и исчезали с окончанием конкретной выполняемой задачи или игры [Ibid]. В речи девочек, действительно, отмечалось значительно меньше черт, свойственных командному или, наоборот, подчиненному стилю; значительно чаще можно было услышать предложения, направленные на совместное выполнение какого-то задания: «Let's ...» («давайте...»), «Why don't we ...» («почему бы нам не...»). Девочки значительно реже спрашивали разрешения друг у друга на выполнение какого-то действия [Ibid]. Некоторые девочки при выполнении задания проявляли больше лидерских качеств, однако их лидерство не выражалось в форме прямых директив в отношении других участниц. Вместе с тем лидерские качества, проявляемые при выполнении одного задания, нередко переходили и на другие виды заданий или действий. Интересно отметить,

что иногда девочки применяли командный стиль в своем общении с мальчиками, доказывая тем самым, что подобная лексика и языковые конструкции присутствуют в их языковом репертуаре, хотя и не используются в общении со сверстниками. Многие исследователи обращают внимание на ту часть работы М. Гудвин, где она рассуждает о явных примерах гендерной асимметрии, упуская из виду тот факт, что этим ее наблюдения не ограничиваются. В работе имеются суждения, которые, в том числе, сводятся к следующему: в современном американском обществе девушки не менее, чем их сверстники-юноши, способствуют установлению вертикальных, иерархических социальных отношений в общении между полами.

Кроме того, не все женщины избегают открытой соревновательности или даже прямой конфронтации в тех или иных конкретных условиях общения. В частности, по мнению профессоров Экерт и МакКоннелл-Гине², все афроамериканское сообщество в современных США высоко ценит умение обмениваться достаточно острыми репликами, и женщины не отстают в этом умении от мужчин. В американском варианте английского языка существует даже специальное сленговое значение у глагола *signify* и у такого рода деятельности – «*signifying*»: «*to exchange humorous insults in a verbal game*» («обменяться шутливыми оскорблениями в вербальной игре») ¹⁰. По мнению другого исследователя – К. Митчелл-Кернан⁶, афроамериканки иногда допускают достаточно темпераментный и острый обмен репликами. В качестве иллюстрации автор приводит в пример следующий обмен высказываниями, состоявшийся между ней и незнакомым мужчиной:

Man: Mama, you sho' is fine.

Mitchell-Kernan: That ain' no way to talk to your mother [Ibid].

Примечательно в этой иллюстрации следующее: К. Митчелл-Кернан (и, видимо, многие другие афроамериканки) вместо того, чтобы, испугавшись заигрываний мужчины, уклониться от поединка, предпочитает вступить в обмен репликами и своим остроумием победить соперника. М. Гудвин⁴ рассматривает в своей работе разновидность речевой деятельности, которую она называет «*instigating*» (провоцирование, подстрекательство). Речь идет о тех ситуациях, когда конфликты между афроамериканками инициированы подключением к ним третьей стороны. Таким образом, американки африканского происхождения с молодых лет приобретают определенный опыт конкурентного взаимодействия, который отсутствует у их сверстниц неафриканского происхождения. Последние в конкурентной и соревновательной среде (даже если это происходит в форме спортивной игры) не могут вполне справиться с возникшей ситуацией и стусеваться.

Исследователь Э. Шелдон⁷ изучала поведение мальчиков и девочек европейского происхождения, выходцев из семей, принадлежащих к среднему классу. Она обнаружила следующее различие: девочки старались найти почву для обсуждения, договоренностей, старались понять интересы других, не забывая при этом обосновывать и продвигать свои идеи. Напротив, мальчики были менее склонны искать доводы в пользу своей позиции. Им скорее было свойственно утверждать свои права физически: повышая на кого-либо голос или попросту применяя силу. Э. Шелдон полагает, что девочки более искушены в том, что она называет «*double-voice discourse*» («дискурс с двусторонним движением» – перевод наш). Такого рода дискурс учитывает интересы как говорящего, так и собеседника; при этом предлагается некий план действий, который может устроить обе стороны [Ibid]. В своей совместной с Д. Джонсон работе Э. Шелдон⁸ заявляет, что, возможно, некоторым организациям следует взять за образец поведение таких девочек в вопросе разрешения возникающих конфликтов. Родители во всем мире нередко высказываются в том духе, что мальчики доставляют больше проблем, чем девочки. Обычно речь идет о том, что мальчики чаще попадают в неприятные ситуации, больше спорят. У девочек, наоборот, более покладистый, миролюбивый характер («*they are nice*»), и они более склонны сглаживать возникающие напряженности, острые углы. Поощрение такого поведения девочек может, как это ни странно, в итоге привести к тому, что «напряженностей и острых углов» становится не меньше, а больше. Так, например, некоторые женщины, став взрослыми, сталкиваются с проблемой самоутверждения. Это бывает достаточно сложно, так как нередко подразумевает преодоление комплекса «*nice girl*», который иногда бывает несовместим с отстаиванием собственной позиции. Даже те женщины, которые, очевидно, воспитывались и воспитывали (конструировали) себя иначе, находятся в зоне риска: к ним все равно могут быть применены нормы «*nice girl*». Примером может служить сенатор Хиллари Клинтон, которая неоднократно подвергалась критике за амбициозность позиции по различным вопросам, в то время как подобная критика в адрес сенаторов-мужчин с аналогичными позициями и устремлениями отсутствует. В бытность Б. Клинтона президентом США в средствах массовой информации можно было встретить словосочетание «*Billary Clinton*». Один из подтекстов создания и использования средствами массовой коммуникации такого словосочетания был очевиден: женщина поступает не подобающим ей образом, вмешивается не в свое дело – в принятие решений на уровне государства.

Возможно, поведение американок африканского происхождения может послужить в какой-то степени примером для остальных женщин в вопросе отстаивания своих интересов. Проблема заключается в том, что общество старается проигнорировать, не заметить подобное поведение женщин,

так как традиционное разделение женщин и мужчин по принципу эгалитарность/иерархичность прекрасно вписывается в существующие в большинстве стран нормы. Все средства общества направлены на то, чтобы укоренять существующие в обществе стереотипы относительно кооперативного и равноправного поведения женщин и соответственно конкурентного и лидерского поведения мужчин. В результате такого общественного «давления» многие женщины и мужчины готовы сделать все для того, чтобы вписаться в существующие, одобряемые обществом модели.

Существуют, однако, культуры, в которых разделение труда и соответствующего «лингвистического» поведения отличается от стереотипного. Соответственно, и ситуация там отличается от традиционной для большинства так называемых цивилизованных стран: по наблюдениям Э. Кинан⁵ на острове Мадагаскар именно мужчинам свойственно проявлять внимание к потребностям собеседника, быть тактичными, соблюдать нормы поведения и морали. Иногда, по мнению автора, это даже может помешать достижению практических целей конкретного диалога. Речь мадагаскарских женщин, напротив, отличается тем, что они обычно говорят прямо и по существу. Их речь вполне годится для достижения определенных целей в конкретной ситуации, но лишена изящества и такта [Ibid].

В целом можно утверждать, что сегодня учеными накоплен значительный экспериментальный материал, свидетельствующий об отсутствии четкой корреляции с биологическим или социальным полом говорящего в следующих случаях: при использовании более вежливых и престижных форм, предпочтении различных разговорных стилей, использовании определенных типов вопросительных предложений. Также не зависят от пола фонетические и лексические особенности речи, ее диалектные характеристики, формы обращений и т.д. Исследователи не раз подчеркивали, что использование человеком языка варьируется в зависимости от множества факторов, в том числе: контекста, вида деятельности, личностных, классовых и других характеристик, темы разговора, аудитории, степени владения языком, образовательного уровня, положения в обществе, отношения к собеседнику и т.д. Тем не менее, несмотря на разнообразие используемых языковых средств, представление общества о том, как говорят женщины и мужчины (в частности, о большем стремлении к эгалитарности первых и к иерархичности – вторых), претерпело мало изменений за последние несколько десятилетий. Это представление почти идентично существовавшим 30 и более лет назад характеристикам особенностей мужской и женской речи. Очевидно, что глубоко укоренившиеся языковые стереотипы служат важным социальным целям: они не только поддерживают существующее доминирование мужчин над женщинами, людей с гетеросексуальной ориентацией над гомосексуалами, но и помогают созданию и укреплению норм маскулинного и фемининного поведения, даже если эти нормы и не отражают реалий социальной и лингвистической действительности.

Список литературы

1. **Coates J.** *Women Talk: Conversation Between Women Friends.* – Oxford, 1996.
2. **Eckert P., McConnell-Ginet S.** *Language and Gender.* – Cambridge, 2003.
3. **Goodwin M.** «Ay Chilliona!»: Stance-taking in Girls' Hopscotch // Bucholtz, Liang, Sutton and Hines (Eds.) *Cultural Performances: Proceeding of the Third Berkeley Women and Language Conference.* – Berkeley, 1994. – P. 232–242.
4. **Goodwin M.** *He-Said-She-Said: Talk as Social Organization among Black Children.* – Bloomington, 1990.
5. **Keenan E.** Norm Makers, Norm Breakers: Use of Speech by Men and Women in a Malagasy Community // Sherzer L., Bauman R. (Eds.). *Explorations in the Ethnography of Speaking.* – Cambridge, 1974. – P. 125–143.
6. **Mitchell-Kernan C.** Signifying and Marking: Two Afro-American Speech Acts // Gumperz J., Hymes D. *Directions in Sociolinguistics: The Ethnography of Communication.* – N.Y., 1972. – P. 161–179.
7. **Sheldon A.** Preschool Girls's Discourse Competence: Managing Conflict // Hall K., Bucholtz M., Moonwomon B. (Eds.). *Locating Power: Proceedings of the Second Berkeley Women and Language Conference.* – Berkeley, 1992. – P. 528–539.
8. **Sheldon A., Johnson D.** Preschool Negotiators: Gender Differences in Double-Voice Discourse as a Conflict Talk Style in Early Childhood // Cheshire J., Trudgill P. (Eds.). *Sociolinguistic Reader.* – London, 1994. – V.2. Gender and Discourse. – P.76–99.
9. **Tannen D.** *You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation.* – N.Y., 1990.
10. **The American Heritage Dictionary.** – N.Y., 2001.
11. **Григорян А.А.** Состояние и перспективы гендерной лингвистики на Западе в конце XX – начале XXI веков. – Иваново, 2004.
12. **Кирилина А.В.** Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации. – М., 2004.